

Чья земля?

Как объяснить слепому от рождения, что мир прекрасен своим многоцветьем? Слепец не знает, что такое цвет. Как научить глухого радоваться музыке? Глухой не знает, что такое звук. И ты бессилён им помочь. Чувство бессилия – очень горькое чувство. Но горечь достигает предела, когда имеющий уши не хочет слышать, имеющий глаза – отказывается видеть. Как токующий глухарь.

Эти «праздные» мысли возникли у меня под конец очень бурного и эмоционального январского заседания совета Аграрного союза России. Накал страстей определяла **центральная тема – земельная реформа**, незадолго до того узаконенное российским парламентом право частной собственности на землю. Мне было что сказать на эту тему и я попросил слова. Дали. Выслушали. Кажется, даже с интересом. Но проводили молча. И в этой тишине я ощутил настороженность. Аплодисменты достались тем, кто призывал любой ценой защитить колхозы, вернуть селу долги и так далее – набор известный. Призыв задуматься о том, что **торговать землей так же безнравственно и даже преступно, как и оставлять ее фактически бесхозной**, услышан не был. Как не было услышано и конкретное предложение, где искать ту «золотую середину», что позволяет решить проблему землевладения к вящей выгоде всех вместе и каждого в отдельности. А мы ее решили. Неужто это никому не нужно?

Вот такие «праздные» мысли. Я поделился ими со старым другом, сидевшим в зале рядом со мной, и услышал в ответ:

- Ты, Магомед, наивный человек. Ты ищешь сторонников в эшелонах власти. А готовы ли там тебя понять и принять? Чартаев с его идеями и правым, и левым не то что не нужен – опасен. Из-под правых он кресло власти вынимает, а левым не дает в него сесть. Кто же слушать-то будет про свои похороны?

Что ж, верно, есть в этом резон. Принятая у нас в колхозе шесть лет назад новая система производственных отношений и отношений собственности в корне меняет властные функции. Механизмы этих преобразований достаточно подробно описаны в других статьях, поэтому не буду повторяться. Напомню лишь главное: мы нашли способ материализовать такую экономическую абстракцию как **общенародная собственность**. Мы ее персонифицировали, и **каждый стал совладельцем общего богатства в меру своего трудового вклада**. А реальная власть принадлежит тому, кто владеет средствами производства, капиталом. Могу сказать без всякой похвалы: сегодня любой наш колхозник в вопросах трудовой собственности разбирается лучше иного кандидата наук. Впрочем, и кандидаты теперь редко путают государственную собственность с общенародной.

Но вплоть до самого недавнего времени мы как-то не задумывались о том, что на своей, колхозной земле мы только пользователи, что право собственника, владельца присвоено государством. Однако жизнь заставила задуматься и об этом, когда в обществе определились две точки зрения на эту проблему, две крайности. Наши очень левые «правые» настаивают на сохранении и закреплении исключительного права государства владеть землей, а всем остальным отводится роль пользователей, арендаторов. Наши очень правые «левые» призывают ввести частную собственность на землю с правом купли-продажи.

«Помилуйте» дорогие мои сограждане! Земля не может быть ни государственной, ни частной, а только общенародной, общечеловеческой. Не мы ее создали, а она нас. Каждому человеку самим фактом рождения даруется право жить, дышать, пить воду, есть хлеб, помогать ближнему. Это право от Бога. Или от Аллаха. Или для материалистов - от матери-природы. И если нас сегодня примерно 300 миллионов живущих, то всем нам поровну принадлежат те 22 миллиона квадратных километров, которые составляют нынешнюю территорию СССР, пока существуют государства и существуют границы. Наверное, когда-нибудь границы исчезнут, и весь земной шар будет принадлежать всему человечеству. Но и тогда останется, если мы не решим ее сегодня, все та же проблема: сколько принадлежит одному человеку, пока он жив.

Все рождаются и все умирают, и каждый умерший получает свою делянку на вечное пользование - два квадратных метра. Больше ему не нужно - ни миллионеру, ни последнему бедняку. А пока жив, чем вправе владеть? Каков его пай в общенародном, общечеловеческом достоянии?

Вот мы и решили найти ответ на этот непростой вопрос. Рассуждали так. Нам, колхозу, общество дало право хозяйствовать на площади 13850 гектаров. Там и хорошая пашня есть, и никуда не годные солончаки, есть пустынные земли и голые скалы, есть леса и луга, и пастбища, и сенокосы. А если разделить все наши владения между всеми ныне живущими - от самого глубокого старика до только что родившегося младенца? Получилось, что на каждого из 630 человек приходится по 20 с лишним гектаров.

Тогда стали смотреть, кто же сколько обрабатывает. На делянки, которые розданы по личным подворьям, у нас всего по 30 соток на каждую. А пахотной земли - 970 гектаров. На одного живущего получается по полтора гектара. Обрабатывают ее три специализированных звена - примерно 50 человек. Они выращивают хлеб, корма для скота и многое другое. Но при этом они остаются по отношению к пашне пользователями и никаких дополнительных собственнических прав на нее по сравнению с остальными жителями не приобретают.

Но, как говорят на Востоке, сколько халву ни расхваливай, от слов во рту слаще не станет. Так и земельный пай не будет осознан как собственность, пока не принесет, как и положено собственности, первые дивиденды. Откуда их взять? Конечно, из прибыли. Другого источника просто нет.

Вот бригада Рамазана Шамхалова обрабатывает 300 гектаров пашни. Эту площадь мы специальным актом закрепили за ней в бессрочное пользование. И постановили, что вся продукция, произведенная на этих 300 гектарах, является собственностью бригады. Ну, например, это будет 1000 тонн зерна. По системе, которая действует у нас с 1985 года, половина выручки идет в фонд накопления, а из второго бригада покрывает свои затраты и формирует личный доход. Так было до прошлого года. Теперь мы схему усложнили: десять

процентов произведенного на земле решили считать собственностью совладельцев земли, то есть делить эти десять процентов между всеми 630 жителями. В нашем примере это 100 тонн зерна или их стоимость.

Тем самым, не меняя существующую организационную структуру, мы разрешили глобальную проблему. Актами закрепили за всеми полеводческими, чабанскими, сенокосными и другими бригадами обрабатываемую ими землю в пользование. Но раз земля - наша общая собственность, пользователь становится как бы арендатором. Он обрабатываемую площадь арендует у всех живущих, в том числе, разумеется, и у самого себя. А за аренду надо платить. Вот эти самые десять процентов и есть арендная плата. Что же получилось? По результатам прошлого года полеводство принесло в колхозную кассу 250 тысяч рублей чистого дохода. Десять процентов этой суммы - 25 тысяч. Поделили их на 630 человек - получилось примерно по 400 рублей. По 400 рублей получили все полеводы, все животноводы, все старики-пенсионеры и все грудные младенцы. Все живущие. Так мы соединили интересы всех людей. *Сначала мы соединили их интересы через те продукты, которые производятся в колхозе. А теперь - и это как заключительный аккорд, как последняя точка в системе у нас получилась - соединили интерес окончательно: через землю.*

Но жестко оговорили обязанности пользователей: **плодородие земли не должно ухудшаться**. Если чабанская бригада на «своей» 1000 гектаров произвела на 100 тысяч рублей продукции, а чистый доход составил 50 тысяч, то десять процентов этой суммы распределяются между всеми совладельцами земли. Значит, чем больше произведет эта бригада, тем богаче станут все. Но возникает вопрос: а если бригада вложила свои средства в улучшение земли, например, в мелиорацию, - эти деньги тоже становятся общим достоянием? Нет. Такое перераспределение было бы по отношению к чабанам откровенным грабежом. А наша система права и интересы труженика защищает надежно. Допустим, из 50 тысяч, перечисленных чабанами в коллективный фонд накопления, 30 истрачено на мелиорацию. Значит, на эту сумму увеличились их пай в основных фондах колхоза. А на пай положены дивиденды.

Говорю это, чтобы показать: «арендная плата» обществу за землю - не новая форма грабежа, а попытка добиться справедливого перераспределения, повысить уровень социальной защищенности каждого человека. Возьмем многодетную семью. Пока дети не выросли, там полноценно работать может только один из родителей. И если в этой семье десять человек - какие же у нее будут доходы! Слезы... Потому и падает по стране рождаемость. Но, поскольку у нас теперь и дети - совладельцы земли, такая семья получила в прошлом году четыре тысячи рублей «арендной платы». Получать можно по желанию - или деньгами, или продуктами.

Выходит, теперь у многодетного отца голова не болит о том, чем и как прокормить семью. Это одно. Второе. Дети подрастают, становятся работниками и - через ту же «арендную плату» начинают помогать старикам и тем, кто родился после них. И поскольку все основано на естественном процессе смены поколений, принцип остается неизменным. **Чем лучше работает каждый и чем больше вкладывает в развитие хозяйства, тем выше становится его индивидуальный доход**, поскольку мы распределяем семь процентов чистой прибыли в виде дивидендов на паевую собственность, но в то же время и все становятся богаче через «арендную плату». Таким образом, интересы непосредственного товаропроизводителя фактически не ущемляются, а общество, коллектив оказывается в выигрыше.

И вот теперь мы подошли и самому главному. Наши новые законодатели что-то уж слишком сильно упирают на частную собственность на землю. Пока, правда, с достаточно жесткими

ограничениями. Но стоит сделать первый шаг, а там... Боюсь, не самые добрые и не самые честные кинутся скупать землю.

Ну, зачем нам бежать обратно в капитализм? Или нам мало «развитого социализма», который на самом деле является высшей, а потому, как предсказал Маркс, загнивающей - загнившей фактически! - фазой капитализма? Почему-то небольшое хорошее, что мы сумели хоть убого, но создать и чему Запад хочет у нас учиться, мы так настойчиво стремимся сломать? Мы, общество, народ, сами извратили суть колхоза, а теперь отрекаться от него, как черт от ладана. Так ведь не от колхоза как коллектива хозяев - а именно так он задумывался! - надо отрекаться, а от того средневекового ублюдства, которое мы имеем в итоге многолетних усилий догматиков и демагогов.

Нельзя кидаться из крайности в крайность. Это все равно как пытаться бежать задом наперед. Ну, хорошо, скажет тут читатель, а вперед - это куда? Вперед - это к ясному осознанию простой, в общем-то, мысли: земля не может быть частной собственностью, ее нельзя ни продавать, ни покупать. Земля, недра и все сущее являются неотъемлемой собственностью каждого человека просто по праву рождения. Раз живешь на земле - значит ты её совладелец в равной мере со всеми остальными. И положено тебе владеть суммой даров планеты не большей, но и не меньшей, чем приходится на душу населения. Пока живешь - владеешь. Не ты планету произвел, а она тебя. А это значит, что, собираясь в лучший мир, ты не имеешь права завещать своим прямым наследникам ничего, кроме того, что произведено твоими руками, твоим интеллектом, твоим трудом. Твою землю, ту её часть, что приходилась на твою долю в пожизненное пользование, унаследует, образно говоря, тот, кто родится в момент твоей смерти. Прямому наследнику в любом случае могут быть переданы не права, а только обязанности по отношению к той территории, которую общество доверило тебе для производства продукции.

Теперь продолжим рассуждение. Каждый живущий у нас в колхозе является пожизненным собственником 20 гектаров. Каждый живущий у нас в районе владеет уже лишь пятнадцатью. Значит, колхозник пользуется чьими-то пятью гектарами. Значит, из своих дух с половиной миллионов чистого дохода мы должны 250 тысяч, те же десять процентов, отдать тем, чью землю эксплуатируем. Я не считал, но это легко прикинуть, сколько получится на каждого живущего в районе.

А ведь так можно подсчитать не только на район - на всю Дагестанскую республику, на всю Россию, на всю Землю. И если мы так соединим интересы всех, то кто же и против кого станет воевать? Все захотят сотрудничать, если с момента рождения и до самой смерти каждый будет получать дивиденды от результатов эксплуатации той части земли, которая приходится на его долю, если делить поровну на всех.

И не надо бояться, что мы таким подходом породим бездельников, нахлебников. Нет, мы породим собственников. Пусть получит свою долю и студент, и солдат, и милиционер, и врач, и учитель. Пусть они почувствуют себя собственниками. Они тогда свою работу будут лучше делать. У каждого появится интерес вкладывать заработанные деньги в любое полезное дело, потому что куда бы эти деньги ни пошли, каждый останется собственником-акционером. Тогда и бюджет перестанет быть «тайной избранных». Он станет формироваться снизу, от каждого человека, а не сверху, из правительства.

И только тогда мы сможем по-настоящему определить, какие же законы нам нужны, какая земельная реформа. Видимо, с этого ее и надо начать, а не с разрешения продавать и покупать землю.

И последнее. Сегодня, когда страну буквально захлестывают всеобщие недоверие и озлобленность, наш колхоз оказался одним из очень немногочисленных островков, где люди улыбаются друг другу. Да, мы счастливы, потому что заново открыли для себя радость дарения.

Вот, скажем, какой повод радоваться у Муслима Муртазалиева? Обработывая 800 гектаров «чужой» земли, он обеспечил в прошлом году колхозу 120 тысяч рублей чистой прибыли. Из них 12 он распределил между теми, кто ему эту землю доверил. Разве он обеднел от этого? Нет. Он стал богаче, потому что по-братски поделился со всеми, у кого на эту землю столько же прав, сколько и у него.

Право, данное всем от Бога, мы скрепили скромными печатями колхоза и сельсовета. А право огромное – владеть планетой.

М.А. Чартаев,

председатель Союза собственников-совладельцев «Шукты», 1991

Все материалы о системе М.А. Чартаева: <http://soorganizator.ru/chartaev>